

Дворец Бесконечной Радости погрузился в гнетущую, тяжелую тишину. Лишь несколько слуг изредка сновали по коридорам, перешептываясь между собой и бросая опасливые взгляды по сторонам. После того как шестой принц наконец пришел в себя, лекари заглядывали к нему лишь несколько раз, а когда состояние Ин Фушэна окончательно стабилизировалось, они и вовсе перестали приходить, оставив его на произвол судьбы.

- С лекарями уже всё обговорено, - тихо доложила служанка.

Все грязные сплетни и пересуды остались за пределами дворца, не смея проникнуть внутрь. Наложница Нин в это время сидела перед своим туалетным зеркалом, вглядываясь в собственное отражение. Услышав доклад служанки, она лишь едва заметно, сдержанно кивнула, после чего медленно поднесла к огню тайное письмо, присланное извне, и сожгла его дотла, наблюдая, как клочки бумаги превращаются в пепел.

Это было секретное послание от клана Нин. В последние дни при императорском дворе наметились новые, весьма значимые перемены, а с далекой границы наконец-то пришли хорошие вести.

- Похоже, Его Величество одержал великую победу, - негромко, почти про себя, произнесла наложница Нин.

В гареме наложница Нин давно слыла добродетельной, кроткой и скромной женщиной, которая никогда не вступала в открытые конфликты и ни с кем не соперничала за внимание правителя. Благодаря этому тщательно созданному образу ей с легкостью поручили часть дел по подготовке грандиозного банкета в честь дня рождения вдовствующей императрицы Сяо. Получив законную возможность узнать все мельчайшие детали предстоящего торжества, а также опираясь на ценные сведения, поступавшие от клана Нин, она первой в гареме узнала о триумфальном возвращении императора. Для нынешней Великой Юань это было событием величайшей радости. Вести об этом уже разлетелись по всем землям, и император намеревался устроить празднество в масштабах всей страны, что делало это событие делом огромной государственной важности.

А раз событие было столь значимым, то и готовиться к нему предстояло с поистине королевским размахом.

Служанка Бичжу, склонив голову, доложила:

- Шестой принц в последние дни совсем не выходил из своих покоев. Лекари говорят, что он всё еще не до конца оправился от болезни, к тому же, кажется, из-за перенесенного жара его рассудок окончательно помутился. Слуги, что прислуживают ему, уже открыто выражают свое недовольство.

Рука наложницы Нин, которую несколько дней назад сильно обожгло лекарством, всё еще ныла от тупой, изматывающей боли, но, услышав слова Бичжу, она невольно почувствовала глубокое, почти физическое облегчение:

- Если он и впрямь повредился рассудком, то тем более хорошо, - холодно произнесла наложница Нин. - Мне больше не придется тратить лишние слова и притворяться, чтобы ублажать его. Скажи, он выпил лекарство?

Все эти долгие годы, опасаясь суровых дворцовых порядков и бесконечного множества следящих за каждым её шагом глаз, а также помня о позорном проступке клана Нин в прошлом, она была вынуждена носить маску смирения и идти на унижительные уступки. К этому ребенку она никогда не питала ни капли искренней материнской теплоты; напротив, с самого первого дня она стремилась вырастить из него абсолютно никчемного, бесполезного человека. И ей действительно удалось привить ему трусливый, податливый характер... Но, в конце концов, разве трусость была лучше, чем полная, безнадежная никчемность?

Особенно это его лицо... Когда он подросток, смотреть на него стало только невыносимее. Впрочем, когда придет подходящий момент, это лицо можно будет просто убрать с её глаз навсегда.

Бичжу, с величайшей заботой и осторожностью причесывая свою госпожу, тихо доложила:

- Рабыня ходила в аптеку, и там подтвердили, что принц исправно выпивал лекарство все эти дни.

Услышав, что Ин Фушэн выпил всё до последней капли, наложница Нин ощутила глубокое, почти физическое чувство удовлетворения, которое разлилось по её телу приятным теплом.

У нынешнего императора было более чем достаточно наследников, и в гареме хватало амбициозных женщин, которые были готовы буквально разорвать друг друга в клочья ради призрачного шанса обрести истинную власть.

Более десяти лет наложница Нин безупречно придерживалась образа смиренной отшельницы,

а Ин Фушэн был настолько туп и бездарен, что не подавал ни единого признака стремления к власти или политическим амбициям. Поскольку сама она демонстративно не вступала в борьбу, многие другие наложницы, видя в ней безопасного союзника, пытались переманить её на свою сторону. Благодаря этому наложница Нин узнавала множество секретов и новостей, которые не удавалось контролировать даже влиятельному клану Нин, и втайне, оставаясь в глубокой тени, строила коварные планы для своего родного сына.

И что с того, что императрица Сюй занимает высокое положение хозяйки гарема? Она вечно строит из себя величественную и важную особу, но в конечном счете её собственный ребенок всё равно остается лишь инструментом в её руках.

Наложница Нин продолжала слушать Бичжу, и с каждым словом на её душе становилось всё спокойнее:

- Расскажи мне, - произнесла она, - как обстоят дела во дворце Земного Спокойствия?

Бичжу, склонив голову, ответила:

- Императрица в последние дни уехала в монастырь, чтобы молиться о благополучии и процветании, и наследный принц отправился вместе с ней.

Наследный принц был еще совсем юн, однако слава о его безупречной сыновней почтительности и благочестии уже разнеслась по всем уголкам дворца и далеко за его пределами.

Слушая рассуждения Бичжу о добром имени и добродетелях наследного принца, наложница Нин чувствовала, как в её сердце растет уверенность. Как будущий правитель империи, наследный принц имел за своей спиной мощную и непоколебимую поддержку клана Сюй, из которого за многие годы вышло немало выдающихся и влиятельных чиновников. Их статус в государстве был исключительным; именно они оказали неоценимую помощь нынешнему императору, когда тот взошел на престол, а сама императрица Сюй до сих пор пользовалась безграничной, почти священной любовью государя. При таких прекрасных и благоприятных условиях её собственному сыну не нужно было прилагать никаких лишних усилий, чтобы наслаждаться величайшей милостью и оставаться в тени.

- Есть еще одна новость, - прошептала Бичжу, понизив голос до едва слышного. - Говорят, что клан Ци подал признаки неожиданной активности: доверенные лица генерала Ци уже вошли в поместье.

Наложница Нин невольно вздрогнула от неожиданности, и в её глазах промелькнуло искреннее удивление.

Клан Ци всегда считался правой рукой императора. Они сопровождали его во всех кровопролитных походах и были теми самыми преданными военными чиновниками, которые помогали ему еще с самых юных лет, когда он только начинал свой путь.

Клан Ци был истинной, несокрушимой опорой всего государства. Из поколения в поколение они оставались доблестными воинами, которые с железной хваткой охраняли северные границы Великой Юань, и именно поэтому пользовались глубочайшим, почти абсолютным доверием императорской семьи.

Нынешний император превыше всего ценил истинную военную мощь и дисциплину, а клан Ци был единственным в своем роде оплотом, который круглый год, невзирая на морозы и опасности, охранял границы, решая все сложнейшие проблемы государя и крайне редко возвращаясь в столицу.

И теперь, спустя столько времени, даже сам генерал Ци возвращается домой...

- Если возвращается клан Ци... значит, такова воля императора, - задумчиво произнесла наложница Нин. - Раз высокопоставленные чиновники и влиятельные князья возвращаются в столицу, значит, расклад сил меняется. И в этом хаосе шанс проявить себя и занять достойное место достанется только моему сыну.

В те далекие времена, движимая отчаянным желанием родить ребенка одновременно с императрицей, она приняла сильное стимулирующее средство, которое в итоге серьезно подорвало её здоровье. К счастью, за прошедшие годы, благодаря применению лучших и самых дорогих лекарств, её общее состояние удалось улучшить. Наложница Нин пристально посмотрела на свое отражение в зеркале, и в её глазах блеснул холод, когда она сухо приказала:

- Что касается того маленького ублюдка, в случае необходимости вели аптеке подсыпать в его миску лекарства по сильнее.

Бичжу, склонив голову в глубоком поклоне, ответила:

- Рабыня всё поняла.

В другой части дворца Бесконечной Радости, по строгому приказу наложницы Нин, покои были плотно заперты – официально это объяснялось опасениями, что холодный воздух может навредить и без того хрупкому здоровью принца. В то время как другие принцы в императорском дворце пользовались огромным вниманием и заботой, шестой принц оставался в полном одиночестве; он ни с кем не общался и не был любим ни императором, ни вдовствующей императрицей Сяо. С тех пор как он тяжело заболел, из других дворцов присылали лишь самые скудные и формальные подарки, и почти никто не находил в себе желания прийти и навестить его лично.

В последние дни, после того как шестой принц наконец пришел в себя, его рассудок стал совсем иным. Раньше он был просто молчаливым и немного трусливым юношей, но после того случая, когда он упал в воду и очнулся, он перестал узнавать людей, которые прислуживали ему, а на любые вопросы отвечал медленно, словно с трудом подбирая слова. Если раньше он просто был немногословен, то теперь и вовсе хранил тяжелое, гнетущее молчание, из-за чего по дворцу поползли слухи, будто он был одержим злыми духами.

На маленькой кухне витал густой, едкий запах отваров и лекарственных трав. Несколько слуг, собравшись снаружи, вполголоса перешептывались между собой:

- Шестой принц и впрямь не одержим ли? – с опаской спросила одна из служанок. – Когда я заходила к нему утром, он просто сидел и молчал... Мне аж жутко стало от этого.

- Кто его знает, раз он так сильно перегрелся... – ответила другая, но тут же резко осекла собеседницу. – Тсс! Жить надоело? Поменьше болтай, если не хочешь навлечь на себя беду!

- Сунъань, отнеси лекарство принцу.

Сунъань, храня молчание, вышел из кухни, бережно сжимая в руках чашу с горьким лекарством. Заметив презрительные, полные насмешки взгляды слуг, он лишь сильнее ссутулился и, покорно согнувшись, поспешил пройти мимо них, стараясь не привлекать лишнего внимания.

- Вечно его заставляют работать, – с наигранным сочувствием протянула одна из служанок.

- Да брось ты, ему самому это нравится! – фыркнула другая. – Как только появляется какая-то работа, он первым лезет вперед, лишь бы выслужиться. Хватит болтать!

Сунъань опустил глаза, и его пальцы, крепко державшие поднос, невольно сжались чуть сильнее. Возможностей прислуживать принцу в последнее время стало совсем немного. Раньше слуги с радостью крутились возле него, стараясь угодить и выпросить щедрые награды, но теперь, когда принц тяжело заболел, они внезапно стали бояться ответственности и с готовностью переключались всю самую тяжелую и грязную работу на его плечи.

Шумные пересуды постепенно затихли. Как только в поле зрения появилась Бичжу, слуги мгновенно умолкли, притворяясь занятыми делом.

Сунъань встретил Бичжу, сделав всего несколько шагов. Слуги сплетничали о принце не в первый раз, и Бичжу, иногда слыша эти ядовитые разговоры, лишь ограничивалась короткими замечаниями, крайне редко прибегая к настоящим наказаниям. Внешне все в гареме говорили, что наложница Нин бесконечно добра и никогда не наказывает своих слуг строго, за что многие называли её истинной святой бодхисаттвой.

Бичжу бегло взглянула на чашу с лекарством и коротко, почти равнодушно бросила:

- Отнеси.

Сунъань прекрасно знал, что Бичжу не станет отчитывать слуг за их дерзость, поэтому он промолчал и, склонив голову, вошел внутрь с лекарством.

Слуги могли сколько угодно судачить о принце, но Сунъань в глубине души яростно не соглашался с каждым их словом. Он был всего лишь маленьким, невзрачным евнухом, которого принц спас в одну из лютых зим. Если бы не милосердие принца, он бы давно погиб в снегах и никогда бы не обрел приют и защиту здесь, в стенах дворца Бесконечной Радости.

Хотя принц был неразговорчив и замкнут, он всегда относился к людям во дворце очень хорошо и справедливо.

Однако в глазах окружающих эта доброта выглядела как слабость, а награды принца казались им недостаточно щедрыми. Слуги постоянно сравнивали его с другими, обсуждая, что дают в соседних дворцах, и с завистью шептались, что серебра, которое давал принц, было куда меньше, чем у других любимых сыновей императора.

«Стая неблагодарных волков», - с глубокой обидой и горечью подумал Сунъань.

За толстыми стенами дворца уже несколько дней не утихая завывал ледяной ветер, и с каждым часом мороз становился всё беспощаднее.

В спальне же ярко пылал уголь, и густое, обволакивающее тепло проникало в самые кости, создавая резкий контраст с уличной стужей.

Сунъань осторожно вошел в комнату с лекарством и посмотрел на маленькую, хрупкую фигурку, которая уже сидела на кровати.

Шестой принц сидел, накинув на плечи тяжелые одежды; его взгляд, отрешенный и холодный, казалось, был устремлен куда-то далеко за пределы окна. Сунъань, увидев это, внезапно напрягся, не зная, как долго принц уже смотрит в ту сторону и слышал ли он ядовитые сплетни, что разносились снаружи.

В комнате было очень жарко от раскаленных углей, но в последние дни принц стал особенно чувствителен к холоду, так что даже жаровню он пододвинул к себе почти вплотную.

Сунъань тихо, почти шепотом произнес:

- Принц, снаружи поднялся сильный ветер.

Услышав его голос, Ин Фушэн медленно повернулся. Увидев, что перед ним Сунъань, он прохрипел:

- Встретил её?

Сунъань почувствовал, как пристальный взгляд принца остановился на нем. В последние дни принц внезапно приказал ему быть предельно осторожным, избегать лишних контактов с другими людьми и, что самое важное, тайно убирать определенные ингредиенты из рецептов, которые присылали лекари. Поэтому он ответил:

- Всё сделано так, как вы велели. Сестра Бичжу спрашивала, но я сказал, что просто подогрел лекарство. Также, следуя вашему приказу, я сообщил ей, что оно слишком горькое, и сходил в Императорскую аптеку за лакрицей. Сестра Бичжу ничего не сказала и не заподозрила неладного.

Ин Фушэн молча смотрел на него.

Сунъань покорно опустил голову. Его лицо, отмеченное печатью какой-то затаенной мрачности, придавало ему вид человека желчного и мелочного. Он прекрасно знал, что такая внешность не вызывает симпатии у окружающих, поэтому всегда старался опускать глаза и

быть максимально незаметным.

Ин Фушэн смутно видел в этом человеке черты своего будущего, и в этом змеином гнезде единственным, кому он мог по-настоящему доверять, был Сунъань.

Заметив затянувшееся молчание принца, Сунъань осторожно спросил:

- Принц, вы... вы что-то услышали?

Ин Фушэн слышал подобные сплетни слишком часто. Некоторые слуги даже специально забредали к этому забытому богом холодному дворцу, чтобы поболтать, и за один день можно было услышать несколько историй, которые были куда интереснее и драматичнее, чем выступления профессиональных актеров, приглашенных наложницами. Однажды он даже в шутку позвал их спеть перед собой, и те слуги, дрожа от ужаса, в один голос просили прощения. Хотя он в их глазах был лишь свергнутым, никчемным принцем, эти люди, до смерти боясь власти и богатства, не проявляли ни капли той смелости, что была у них, когда они судачили за его спиной.

Ему стало невыносимо скучно - всё это было недостаточно громко, недостаточно бодряще.

Он спросил:

- И что же они говорили о тебе?

Сунъань немного опешил от такого вопроса, а затем тихо ответил:

- Ничего особенного.

Ин Фушэн увидел, что Сунъань стоит слишком далеко, и жестом поманил его подойти ближе.

Сунъань приблизился, чувствуя, как тепло жаровни прогоняет остатки холода. Он осторожно смотрел на принца, чувствуя, что за последнее время тот стал совсем другим человеком. Он был подобран принцем несколько лет назад, в одну из суровых зим, когда тот был еще ребенком. Спасши ему жизнь, принц оставил его в дворце Бесконечной Радости, и даже имя Сунъань дал ему сам принц, когда с огромным энтузиазмом начал свое обучение.

Ин Фушэн взял чашу с лекарством из рук Сунъаня, и тепло керамики постепенно вернуло жизнь его замерзшим, холодным пальцам.

Пар от лекарства поднимался вверх тонкими струйками, отражая его нынешний облик и постепенно скрывая ледяной холод в его глазах.

Все эти дни он искусно притворялся, что жар не спадает, и Сунъань оказался достаточно сообразителен, чтобы наложница Нин и Бичжу ничего не заподозрили.

Прошло столько лет, что бдительность наложницы Нин давно притупилась – кто станет всерьез опасаться десятилетнего ребенка? Но ради собственной безопасности Ин Фушэн приказал Сунъаню тайно модифицировать лекарство, смешивая остатки настоящих снадобий с бесполезными примесями. А из-за сильного, едкого запаха лекарств, который постоянно витал в комнате, Бичжу, заходя несколько раз в день, не замечала часть лекарственного осадка, который Сунъань сжигал в золе жаровни.

Однако из-за того, что его десять долгих лет методично пичкали тайными ядами, тело Ин Фушэна было до предела истощено. В этот раз даже простое падение в воду заставило его потратить несколько дней на то, чтобы прийти в себя. И даже теперь, когда жар спал, кости всё еще ныли, а от малейшего умственного напряжения голова раскалывалась от невыносимой боли.

Он понимал, что остатки яда в теле невозможно вывести простым прекращением приема лекарств. Со временем это могло вызвать подозрения у наложницы Нин. Самовольный поиск новых средств лечения вызвал бы слишком много вопросов, но, к счастью, в прошлой жизни он долго болел и кое-что понимал в воздействии ядов, поэтому мог самостоятельно выбирать часть компонентов для своего восстановления. Однако он осознавал, что это не долгосрочное решение.

Если прямо под носом у придворных лекарей ему годами скармливали яд, значит, и сами лекари, столь часто посещавшие его покои, были глубоко нечисты на руку. Если он расскажет об этом сейчас, никто ему не поверит, а если под прикрытием наложницы Нин объявят, что он окончательно сошел с ума от перенесенного жара, он окажется в абсолютно безвыходном положении.

Ледяной холод, забившийся в самые кости, никак не отступал, и даже две раскаленные жаровни не могли полностью разогнать эту пронизывающую стужу. Ин Фушэн медленно выпил

чашу с горьким лекарством, но, едва глоток коснулся горла, он не удержался и зашелся в надрывном кашле.

- Принц! - встревоженно воскликнул Сунъань, подавшись вперед.

- Подвинь жаровню ближе, - прохрипел Ин Фушэн, прерывисто дыша.

Сунъаню пришлось поспешно пододвинуть тяжелую жаровню почти вплотную к кровати.

Ин Фушэн протянул свои бледные, дрожащие руки к огню, жадно ловя каждое мгновение тепла, и тихо пробормотал:

- Жаль, что это не серебряный уголь... Вот это была бы истинная вещь.

Сунъань мельком взглянул на принца с нескрываемым удивлением. После того как тот очнулся, он стал особенно придирчив к таким мелочам, которые раньше его совершенно не заботили. Пару дней назад, едва проснувшись, он даже отчитал его за неумение экономить ресурсы, а в последние дни иногда произносил странные, совершенно непонятные фразы. Раньше принц никогда не обращал внимания на то, какой именно уголь горит в его покоях.

Ин Фушэн плотнее закутался в одежды, пытаясь сохранить остатки тепла. В холодном дворце, где он провел годы в прошлой жизни, таких роскошей не было и в помине - за каждый кусочек угля приходилось буквально бороться, выживая в ледяном аду. А здесь всё было доступно, всё было под рукой... Именно поэтому каждый в этом дворце и стремился стать тем, кто стоит над другими, кто владеет всеми благами.

Заметив затянувшееся молчание принца, Сунъань перевел взгляд на принесенные подарки и осторожно произнес:

- Сестра Бичжу сказала, что госпожа прислала для вас кое-что.

В прежней жизни принц отчаянно жаждал любви и внимания наложницы Нин, но за все долгие дни его болезни она посетила его лишь однажды, предпочитая присылать безделушки через слуг. Хотя принц был единственным ребенком госпожи, Сунъань совершенно не понимал, почему она так холодна и равнодушна к нему. Боясь, что эта тема может причинить принцу боль, он тихо спросил:

- Желаете, чтобы раб разложил всё это для вас?

Ин Фушэн еще не до конца поправился; казалось, что болезнь лишь принимает новые формы, а жар упорно не желал спадать. Когда весть об этом дошла до наложницы Нин, она с тайным удовлетворением поняла, что добавки, которые подсыпала Бичжу, подействовали как следует. Поэтому она и стала притворно навещать его несколько раз. Было заметно, что в последнее время она пребывает в прекрасном настроении и иногда даже приносила Ин Фушэну маленькие, нелепые игрушки.

Бумажные поделки, небрежно брошенные перед кроватью Ин Фушэна, всегда сопровождалась парой фальшивых слов заботы. Так продолжалось годами: она всегда проявляла внимание в самый нужный момент, заставляя его прежнее, наивное и доверчивое «я» верить ей без остатка.

В маленькой спальне подарки наложницы Нин лежали на самом видном месте, совершенно чистые, без единой пылинки, но их можно было легко пересчитать по пальцам одной руки.

Его собственных вещей было катастрофически мало: ни классических книг, ни глубоких философских трактатов – только дешевые бульварные романы, которые наложница Нин присылала ему от скуки. Раньше он знал, что ей нравится его покорность, что он не спорит и не борется за свое место, поэтому во всем ей потакал, стараясь быть идеальным сыном. Но в прошлой жизни, в холодном дворце, одного нефритового кулона хватало лишь на полмесяца выживания, а серебра не хватало даже на то, чтобы подкупить самых ничтожных евнухов. Они с Сунъанем едва пережили ту первую, беспощадную зиму.

– Если она пришлет что-то еще, скажи, что я в полном восторге от этих вещей и что от радости даже стал пить больше лекарства, – спокойно произнес Ин Фушэн. – Всё, что пришлют – принимай и складывай в мою личную казну. А то, что можно выгодно продать – продавай, меняй на что-то действительно полезное.

Сунъань тихо ахнул от неожиданности. Разве принц раньше не дорожил каждой мелочью, присланной госпожой, как величайшим сокровищем?

Он поспешно, с легким трепетом ответил:

– Раб понял.

– Ты не будешь спрашивать, почему я так решил? – Ин Фушэн посмотрел на него своими глубокими, не по годам мудрыми глазами.

Сунъань решительно покачал головой:

- Что принц велит рабу делать, то он и будет делать, не задавая вопросов.

Ин Фушэн пристально взглянул на него. «В прошлой жизни, когда я из последних сил велел тебе бежать и спастись, почему же ты не послушался?»

Он тряхнул головой, отбрасывая тяжелые мысли, и опустил взгляд. Заметив, что его руки всё еще мелко дрожат, он поспешно спрятал их под одеяло, стараясь успокоиться.

Снаружи стояла звенящая тишина. Его взгляд снова упал на дверь.

Дворцовые стены были покрыты толстым, тяжелым слоем свежесвыпавшего снега, и лишь редкие слуги изредка бродили по двору. В последние дни здесь стало слишком тихо.

Ин Фушэн потратил несколько дней, чтобы окончательно привыкнуть к своему нынешнему облику ребенка, и тихо спросил:

- В последние дни во дворце что-то случилось? Мне кажется, людей стало заметно меньше.

Воспоминания о своем настоящем детстве Ин Фушэн забыл почти полностью, а после долгих лет заточения в холодном дворце он окончательно потерял счет времени. В конце концов, его психическое состояние в тот период было крайне нестабильным; он долго не мог узнать знакомых слуг или вовсе забывал о существовании посторонних людей.

Сунъань опешил от такого вопроса и с легким недоумением объяснил:

- Принц, неужели вы забыли? Совсем скоро день рождения вдовствующей императрицы Сяо.

Эти слова Сунъаня мгновенно прояснили затуманенный разум Ин Фушэна. Он вспомнил, как несколько дней назад, находясь в полубреду, услышал, что наложница Нин вскользь упомянула о грядущем празднике. Торжество всегда организовывала императрица Сяо, а наложница Нин в прошлой жизни всегда искусно притворялась, что не стремится к мирской славе и власти. Её излюбленным методом было прикинуться невинной и кроткой овечкой, действуя из-за спины и крайне редко проявляя открытую инициативу.

День рождения вдовствующей императрицы Сяо отмечался каждый год, но один из них был для наложницы Нин особенно важен.

- Отец... он скоро возвращается с победой? - неуверенно, почти шепотом спросил Ин Фушэн.

Сунъань немного замешкался, чувствуя легкое недоумение от странного вопроса:

- Его Величество всё еще находится на фронте, но раб слышал от слуг, что в последние дни при дворе, кажется, появились очень хорошие вести.

«Значит, это именно тот самый период...»

Взгляд Ин Фушэна мгновенно стал острым и пронзительным. Детали того, как он упал в ледяную воду зимней ночью, он помнил смутно. После нескольких дней изнуряющего жара он едва выжил, и после такой тяжелой болезни, конечно, не мог помнить всех подробностей - даже события его ранней юности частично стерлись из памяти.

Причина, по которой он теперь вспомнил об этом празднике, заключалась в том, что в будущем он стал великим событием, которое воспевали в летописях.

Этот период был ключевым моментом, когда его отец, лично возглавив поход, окончательно разгромил варваров на границе. Это триумфальное возвращение императора удачно совпало с днем рождения вдовствующей императрицы Сяо. Вся страна ликовала, была объявлена всеобщая амнистия. Принцы и принцессы на этом банкете всеми силами старались завоевать расположение императора и вдовствующей императрицы, и только он, из-за тяжелой болезни, стал тем самым «ненужным» принцем, на которого никто не обращал внимания.

А самое главное - на этот банкет были отозваны все высокопоставленные чиновники и даже князья из самых дальних земель. В прошлой жизни именно в этот момент император вернулся с победой, на торжестве собралась вся элита империи, и родной сын наложницы Нин - лже-наследный принц - оказался в самом центре внимания. Он не только преподнес подарок, который пришелся по вкусу вдовствующей императрице, но и благодаря своему остроумию и красноречию заслужил высокую похвалу самого императора. В десять лет он стал известен на весь мир, заложив прочный фундамент для своей будущей славы «мудреца», к которой позже стремились бесчисленные ученые из бедных семей.

- Значит, я упал в воду именно в это время... - взгляд Ин Фушэна дрогнул, в нем вспыхнула холодная ярость.

Боюсь, что всё это злополучное падение в воду было тщательно спланированным делом рук наложницы Нин.

С лекарством, в которое был подмешан медленно действующий яд, он, будучи всего лишь ребенком, никак не мог открыто противостоять наложнице Нин. Мнимое заточение под предлогом чрезмерной заботы о здоровье, намеренное воспитание в нем никчемности и слабости - если всё пойдет по этому же сценарию, он так и останется навеки запертым в удушающих стенах дворца и в точности повторит свою трагическую судьбу из прошлой жизни.

Заточение во дворце Бесконечной Радости было похоже на замкнутый, бесконечный круг, из которого практически невозможно было выбраться. Но Ин Фушэн больше не хотел мириться с этим. Он отказывался снова быть использованным инструментом, годами томиться в забвении, жить жалкой жизнью дворовой собаки, а в конце смотреть, как те, кто взошел на трон, бесцеремонно шагая по его костям, безраздельно обладают властью. В то время как он и Сунъань в этом беспощадном потоке событий были лишь крошечными муравьями, которых сильные мира сего могли раздавить одним случайным словом или мимолетным жестом.

И даже сейчас, когда речь шла о самом лекарстве, способном спасти ему жизнь, ему приходилось скрывать его прием, словно он совершал преступление.

Но почему? Почему он должен прятаться в собственном доме?

Предстоящий банкет был его единственным, последним шансом. Он должен был не просто попасть туда, но и найти способ окончательно вырваться из-под удушающего контроля наложницы Нин.

В последние дни он пристально наблюдал за тем, что происходит за пределами его покоев. На первый взгляд казалось, что людей стало меньше, но на самом деле слуги всё так же сновали туда-сюда - и теперь он понимал, что большинство из них были всего лишь шпионами наложницы Нин. Стоило ему совершить один неосторожный шаг или попытаться покинуть пределы дворца, как они тут же, в мгновение ока, донесли бы ей о каждом его движении.

Попасть на банкет было задачей невероятно сложной. В нынешней ситуации, если он совершит хоть один опрометчивый поступок, наложница Нин под любым, даже самым абсурдным

предлогом задержит его во дворце Бесконечной Радости. Поэтому до самого начала торжества он не должен был спугнуть эту ядовитую змею.

Чтобы окончательно усыпить бдительность наложницы Нин, он был обязан оставаться в её глазах «тяжело больным» и ни в коем случае не выходить из своих покоев.

В этот критический момент ему была необходима внешняя сила, нужен был веский, неоспоримый повод, чтобы его заставили или пригласили попасть на банкет... иначе в конечном итоге и его, и Сунъаня ждал тот же кровавый финал.

Сунъань молча смотрел на своего принца, и в его преданных глазах читалась глубокая, неприкрытая тревога. С тех пор как принц очнулся после падения в ледяную воду, он стал совсем другим: часто подолгу замирал у окна, глядя в пустоту и не произнося ни слова, словно его душа была чем-то похищена или унесена в иные миры.

Ин Фушэн медленно опустил веки, задумчиво теребя пальцами ткань своих одежд. Спустя некоторое время он словно пришел в себя и тихо спросил:

- В последнее время матушка каждый день ходит в павильон Любования Луной?

Слуги дворца Бесконечной Радости почти ежедневно бегали наружу, и это не было случайностью. Наложнице Нин доверили организацию дня рождения вдовствующей императрицы Сяо. Согласно обрывочным воспоминаниям Ин Фушэна о прошлой жизни, местом проведения этого грандиозного банкета был именно павильон Любования Луной.

Сунъань в последние дни тоже часто выполнял поручения других слуг и, разумеется, кое-что знал о происходящем:

- Банкет близок, и госпожа очень старается, чтобы всё было идеально. Раб сам ходил туда в последние дни и видел, что павильон Любования Луной сейчас выглядит совсем не так, как обычно.

Ин Фушэн мысленно подтвердил: это в точности совпадало с его воспоминаниями.

В его памяти всплыло, что, чтобы не вызвать подозрений у императрицы Сюй, наложница Нин в прошлом крайне редко проявляла открытую инициативу и почти не приближалась к ней, тщательно оберегая свое доброе имя в гареме.

Такой человек, который демонстративно не стремится к борьбе за власть, не вызывает зависти у других наложниц, и благодаря этому может легко повернуть множество темных дел, проявив лишь каплю внешней инициативы в нужный момент.

Когда наследный принц был совсем мал, на такие игры можно было не обращать внимания, но теперь, когда его «крылья» окрепли и он стал реальной угрозой, наложница Нин больше не могла сдерживать свои амбиции.

Ин Фушэн размышлял: чем больше наложница Нин хочет оставаться незаметной и скрываться в глубокой тени, тем сильнее он должен подтолкнуть её, чтобы она сама оказалась на виду у всех. А идеальным местом для этого был павильон Любования Луной.

- Сунъань, есть дело, которое ты должен выполнить, - внезапно произнес Ин Фушэн. - Через несколько дней в Императорской аптеке будет закупка лекарств, и в этот раз ты исполнишь для меня одно особое поручение.

В последние дни Сунъань из-за приказов принца каждый раз тайком посещал Императорскую аптеку, и, к счастью, из-за огромного потока людей там никто не запомнил его лица. Он искренне удивился, какое новое лекарство снова ищет принц, но затем увидел, что тот достал из своей личной казны несколько кусочков серебра и небольшой жетон. Сунъань окончательно опешил, услышав слова Ин Фушэна:

- Нет, в этот раз ты не должен искать обычного аптекаря. Каждые десять дней Императорская аптека проводит закупки, и специальный евнух-закупщик принимает и проверяет лекарственные травы, прибывающие из всех провинций. Когда пойдешь в аптеку, найди в этой суматохе евнуха по имени Фуань.

Сунъань стал предельно осторожен и тихо спросил:

- Что именно мне нужно сделать?

В императорском дворце было слишком много людей, которые отчаянно нуждались в лечении, но не могли позволить себе дорогие лекарства, а Императорская аптека вовсе не была тем местом, куда мог просто так зайти любой рядовой евнух. Однако когда торговцы привозили огромные партии трав в столицу, вокруг собиралось множество людей, и в этой суете часто случались тайные частные сделки. В прошлой жизни Ин Фушэн был заперт в холодном дворце и не раз оказывался на грани смерти, и лишь благодаря одной женщине-чиновнице, которая когда-то осматривала его и подсказала этот обходной путь, он смог тайно покупать лекарства, чтобы просто выжить.

И именно евнух Фуань был тем человеком, который открыл этот путь. Деньги способны заставить даже призраков молотить зерно, особенно в этом дворце, где люди виртуозно умеют подстраиваться под любой ветер.

Когда та женщина-чиновница рассказывала об этом, она упоминала, что евнух Фуань работает в Императорской аптеке уже много лет, спас немало слуг, которые не имели средств на лечение, и провернул за свою карьеру множество тайных, незаконных дел.

Этот путь спасения был совершенно неизвестен дворцовой знати, и отследить его было почти невозможно.

Ин Фушэн коротко и четко объяснил план действий. Сунъань сначала опешил, совершенно не понимая, что именно задумал принц, но всё равно всё запомнил до мельчайших деталей:

- Раб всё понял.

Затем он получил окончательный приказ и вышел из покоев.

После того как он ушел, Ин Фушэн внимательно посмотрел сквозь узкую щель в окне. Слуги дворца Бесконечной Радости всё еще были заняты своими делами. Когда Сунъань только вышел, один или два слуги мельком взглянули на него, но, увидев, что это всего лишь маленький, невзрачный евнух, снова опустили головы и продолжили уборку. Никто из них не заметил, что, едва миновав ворота, Сунъань намеренно свернул в другую сторону.

Ин Фушэн еще несколько раз проверил, не следят ли за ними слуги, и, убедившись, что Сунъань окончательно исчез из поля зрения, вернулся вглубь комнаты. Затем он осторожно достал из-под одеяла простой набор тонких игл и уверенным движением уколол себя в определенные точки, чтобы искусственно поддержать пульс и сохранить высокую температуру тела.

Чувствуя, как жар в теле постепенно начинает подниматься, он осторожно спрятал все инструменты.

В его глазах застыл ледяной холод.

Тепло в теле нарастало с каждой секундой. Постоянный, изнуряющий жар для маленького ребенка был бы смертелен, но Ин Фушэн не собирался умирать так просто. Техника иглоукалывания, которую он использовал, была преподана ему той самой женщиной-чиновницей в прошлой жизни; она могла мощно стимулировать кровообращение. В прошлой жизни он использовал её, чтобы не замерзнуть насмерть в холодную зиму, а теперь эта техника чрезмерно стимулировала его тело, поднимая температуру до уровня, достаточного, чтобы обмануть даже самого внимательного наблюдателя.

Только тот, кто болен до полного беспамятства, не вызывает никаких подозрений.

Ин Фушэн опустил глаза и небрежно отбросил в сторону бумажного сверчка, которого так бережно хранил в прошлой жизни. Свет огня в жаровне то вспыхивал, то гас, а внутри углей всё еще тлел лекарственный осадок, поглощенный жаром.

Он сидел, не раздеваясь, не смыкая глаз ни на мгновение, и его взгляд, пронзительный и острый, смотрел сквозь плотные стены дворца в сторону далекого павильона Любования Луной.

Времени еще достаточно, нужно действовать постепенно и осторожно.

Раз наложнице Нин так нравится подсыпать яд в его чашу, то он ответит ей тем же самым способом.

<http://bllate.org/book/18055/1731072>